

Глава 1. Лучший из лучших — Шу Сяомин

Нынешний год выдался для города Сишань по-настоящему особенным: у них появился свой «чжуаньюань» — лучший выпускник, набравший высший балл на экзаменах!

Стоял июнь. Пышные кроны деревьев над головой сплетались в густую изумрудную сеть, едва пропускавшую солнечные лучи. Учитель Чэнь, последние девять лет неизменно выпускавший старшеклассников, сжимал в руке старую, повидавшую виды мышку. Ладонь его вспотела, и пальцы слегка скользили по пластику. Сердце колотилось так яростно, словно готово было выпрыгнуть из груди. Дрожащей рукой он наконец нажал на кнопку «Узнать результат».

Имя кандидата: Шу Мин.

...

Общий балл: 653.

Шестьсот пятьдесят три!

На мгновение его взгляд пригвоздило к этим цифрам. Он перечитывал страницу снова и снова, не в силах поверить собственным глазам. В один миг на него обрушился целый вихрь чувств: безумный восторг, ликование и застарелая, щемящая обида за все прошлые неудачи. Эмоции переполнили его настолько, что лицо учителя превратилось в застывшую белую маску; он замер перед громоздким монитором, подобно безжизненному изваянию.

Оцепенение прервал коллега из соседнего кабинета, который весело заглянул в дверь:

— Учитель Чэнь, ну как там наш Шу Мин? Что получил?

И только тогда до Чэнь Синьпина дошло.

Шестьсот пятьдесят три!!!

Все эти годы он преподавал в старшей школе, трудясь не покладая рук: приходил в класс еще до рассвета и возвращался домой глубокой ночью. Десять лет — лучшая пора его юности — пролетели в попытках выпустить хотя бы одного выдающегося ученика, и вот, наконец, свершилось.

Он медленно, словно заржавевший робот, повернул голову и пробормотал себе под нос:

— Шестьсот пятьдесят три.

Стоявший в дверях учитель осекся:

— Что вы сказали?

Чэнь Синьпин внезапно вскочил, опрокинув стул, и во всю мощь своих легких прокричал:

— Шестьсот пятьдесят три!!! Мой ученик, Шу Мин, набрал шестьсот пятьдесят три балла!

В тот же миг из глаз его брызнули слезы. Огромный, рослый мужчина стоял посреди кабинета и рыдал навзрыд, точно ребенок. Однако, даже сотрясаясь от рыданий, он не забыл выскочить за дверь и броситься прочь из школы.

В знойном мареве замершего городка эхом разносился его восторженный крик:

— Шу Мин! Шу Мин!

— Ты набрал шестьсот пятьдесят три! Ты сможешь учиться в столице!

Когда объявили результаты, Шу Мин мирно дремал дома.

Легкое одеяло, сброшенное с кровати из-за невыносимой жары, сиротливо скомкалось на полу. Юноша прикрыл глаза ладонью, защищаясь от косых лучей солнца, заглядывавших в окно. В свои шестнадцать-семнадцать лет он буквально светился жизненной силой; даже простая хлопковая майка не могла скрыть ту особую ауру цветущей юности, что исходила от него. Статный и стройный, он походил на молодое деревце, а на его голених, прижатых к бамбуковой циновке, остались едва заметные красные отпечатки от плетения.

Впрочем, утверждение, будто Шу Мин спал, было не совсем верным. Он лишь лениво прикрыл веки, время от времени помахивая веером из пальмовых листьев. Юноша то и дело направлял поток воздуха в сторону своей тётушки, Чжуан Янь, стараясь облегчить ей духоту, но та так суежилась, перемещаясь по комнате, что он вскоре оставил эти попытки.

По натуре Шу Мин был парнем шумным и энергичным, из тех, кто ни минуты не может усидеть на месте, однако в решающие моменты он сохранял поразительное, почти пугающее хладнокровие. Он заранее прикинул свои шансы: по его расчетам, балл не должен был опуститься ниже шестисот тридцати, а с учетом льгот для национальных меньшинств путь в столицу мечты был практически открыт. Поэтому он и не волновался.

Как говорится, император спокоен, а свита в панике. Пока сам «виновник торжества» не проявлял ни капли беспокойства, тётушка с самого утра места себе не находила, кружа по

комнате. Глядя на то, как этот сорванец преспокойно развалился на кровати, она чувствовала, как внутри закипает раздражение, но поднять его за уши не позволяла жалость. Оставалось только изводить себя тревогами в одиночку под скрип старого вентилятора.

Внезапно в дверь яростно затарабанили. Классный руководитель, не помня себя от бега, буквально рухнул на порог.

— Шу Мин! Шу Мин! Ты хоть знаешь, сколько набрал?

Тётушка поспешно впустила гостя. Чэнь Синьпин, даже не подумав попросить воды, ворвался в комнату и, точно неоперившегося цыпленка, вскинул за плечи только что поднявшегося с постели юношу.

— Ты... ты набрал... шестьсот пятьдесят три! — выпалил он, задыхаясь.

Сколько-сколько?

На этот раз настала очередь Шу Мина удивляться. Его непоколебимая уверенность вмиг испарилась; он резко выпрямился, едва ли не впервые в жизни заикнувшись от шока:

— Погодите, учитель Чэнь. Шестьсот... шестьсот сколько?

— Шестьсот пятьдесят три!

Видя, что на лице парня наконец-то отразилось потрясение, учитель Чэнь почувствовал глубокое удовлетворение. Ему было чертовски неловко радоваться в одиночку! Успокоившись, он уже более ровным тоном уселся рядом с учеником и тяжело выдохнул:

— Интересно, какие результаты по всему городу...

В глубине души он немного сожалел: раз из городского управления образования до сих пор не позвонили, значит, титул абсолютного чемпиона — «чжуаньюаня» города — Шу Мину, скорее всего, не достался. Но звание лучшего в городке у них уже в кармане, ведь здесь всего одна школа. И то хлеб — по крайней мере, показатели учебного заведения в этом году будут выглядеть достойно.

Чэнь Синьпин то хмурился, погружаясь в раздумья, то снова расплывался в улыбке, убеждая себя, что и этого достаточно. Шу Мин лишь молча наблюдал за этими переменами: за три года он успел изучить переменчивый нрав своего учителя вдоль и поперек.

Дверь в дом всё еще была распахнута настежь, пропуская внутрь волны полуденного зноя. Пораженные новостью, домочадцы совсем забыли о ней, пока в дверном проеме не раздался

робкий девичий голосок.

Маленькая девочка постучала по косяку и, не дождавшись ответа, набралась смелости:

— Учитель Чэнь... Учитель Чэнь!

В ту же секунду все трое в комнате синхронно повернулись к ней. Малышка едва не вскрикнула от испуга: «Мамочка, как страшно, я хочу домой!».

— Там... Директор Ван велел вам передать, — она судорожно сглотнула, чувствуя на себе тяжелые взгляды взрослых, и дрожащим голосом закончила: — Директор сказал, что братец Сяо Шу стал лучшим... лучшим учеником во всём нашем городе.

Комната погрузилась в оцепенение. Люди замерли, точно каменные изваяния.

— Правда! — пролепетала девочка, и голос её становился всё тише. — Я не вру...

— Учитель Чэнь!

— Старина Чэнь!

Глаза Чэнь Синьпина закатились, и он начал медленно оседать на пол. Шу Мин и тётушка едва успели подхватить его, и в доме мгновенно воцарилась суматоха: «Скорее, несите его в больницу! В больницу!».

Какие бы толки ни ходили в округе, блестящий результат Шу Мина стал неоспоримым фактом. У входа в деревню, на стенах начальной и средней школ, а также над воротами старшей школы — повсюду красовались алые транспаранты: «Горячие поздравления Шу Мину, ставшему лучшим учеником города с результатом 653 балла!». Спустя короткое время надписи сменились на еще более торжественные: «Сердечно поздравляем Шу Мина с поступлением в Столичный университет!».

Порог дома Шу Мина едва не стерли многочисленные гости, так что тётушке в конце концов пришлось запереть ворота и объявить, что они больше никого не принимают. А чем же занимался наш прославленный «чжуаньюань» в это время?

Он помогал тётушке убирать пшеницу.

«Ветер южный в ночь повеет, рожь в полях зазолотеет».

Шу Мин поправил соломенную шляпу и небрежно вытер лицо полотенцем. Удивительно, но даже после полумесяца работы под палящим солнцем он ничуть не загорел. Одетый в простую белую майку, он всё равно выглядел необычайно свежим и ярким, а его осанка была прямее, чем молодые ростки на поле.

Подул долгожданный прохладный ветерок, всколыхнув бескрайнее море золотых колосьев. Семнадцатилетний Шу Мин стоял посреди поля и, улыбаясь, махал тётушке рукой. Приставив ладони к губам рупором, он прокричал:

— Тётушка! Еще немного — и закончим! Подожди меня!

Между собой они общались на языке нин, обладавшем причудливыми, напевными интонациями. Горы, обступившие пшеничное поле, подхватили его голос, разнося его далеко и отчетливо. Едва договорив, Шу Мин снова склонился над колосьями, ловко и споро продолжая работу.

Труд никогда не пугал его; все мысли юноши были лишь о Чжуан Янь. Он родился в далеком горном краю, в месте компактного проживания национальных меньшинств, среди которых преобладал народ нин. Многие здесь не владели государственным языком и испокон веков жили лишь тем, что давала земля. Их семья не была исключением.

Однако судьба Шу Мина оказалась тяжелее, чем у многих: в четыре года он лишился родителей, а вскоре умер и дядя. Тётушка, оставшись одна, ценой невероятных усилий вырастила его и старшего брата, Чжуан Чжэна. К несчастью, старший брат не питал тяги к учебе и несколько лет назад уехал на заработки. С тех пор от него не было ни весточки. Теперь они с тётушкой остались вдвоем, выживая лишь благодаря нескольким акрам скудной земли.

Шу Мин понимал, что, уехав учиться в столицу, он не сможет часто навещать дом: путь слишком долог, а билеты баснословно дороги. Если удастся выбраться на каникулы раз в год — уже удача. В деревне люди были простые и всегда помогали друг другу, так что за безопасность тётушки он не опасался, но вот её здоровье не давало ему покоя.

Крестьянский труд изматывает, а тётушка не могла бросить землю. Она всю жизнь экономила на всём, и теперь её мучили боли в пояснице и ногах. Кто же будет помогать ей, пока его не будет рядом?

В оставшиеся два месяца Шу Мин старался переделать все дела на годы вперед. Он заново укрепил курятник, сложил дрова так, чтобы их хватило на целый год, вычистил очаг до зеркального блеска и даже навел идеальный порядок на складе. Обычно говорят: «Сын в путь — мать в тревоге», но в их случае всё было наоборот.

В последнюю ночь перед отъездом Шу Мин при свете ночника пересчитал свои накопления: здесь были и премиальные от города, и пособие от школы, и выплаты для малоимущих. Он отложил себе три тысячи юаней в кошелек, который носил у самого сердца, а остальное тайком спрятал под подушку тётушки.

Утром, за завтраком во дворе, Чжуан Янь присела рядом и достала из-за пазухи небольшой сверток.

— Сяо Шу, — начала она, прочистив горло и немного смущаясь. — Говорят, в дороге деньги лишними не бывают. Здесь я откладывала тебе на учебу... пять тысяч. Негусто, конечно, но ты возьми.

Шу Мин ничуть не удивился. Допив кашу, он отставил миску и крепко обнял эту маленькую, исхудавшую женщину.

— Я так и знал, что тётушка любит меня больше всех! — привычно заканючил он, прижимаясь к ней.

Несмотря на свои слова, он и не подумал брать деньги. Вместо этого он, точно преданный щенок, принялся ластиться к ней, утыкаясь носом в плечо.

— Да что же это такое! Взрослый парень, а всё как маленький! — притворно возмутилась тётушка, хотя её лицо так и светилось от нежности. Она попыталась легонько оттолкнуть его, но «щенок» вцепился намертво.

— Помни: деньги всегда держи при себе, не потеряй. Если будет трудно, звони — я переведу из банка. В столице-то, небось, всё дорого...

Она замолчала, похлопывая его по спине своей огрубевшей, но сильной рукой, точно как в детстве. Шу Мин слушал мерный стук её сердца, всё еще пряча лицо на её плече, и вдруг глухо произнес:

— ...Мама.

Рука на его спине замерла. На мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь стрекотом цикад и шелестом листвы. Не дождавшись ответа, Шу Мин встревоженно поднял голову и почувствовал, как что-то холодное капнуло ему на шею.

Это были слезы. Женщина, которая овдовела и в одиночку тянула хозяйство, которая работала на износ и попадала в больницу от переутомления, но никогда не позволяла себе слабости — сейчас она плакала.

Шу Мин замер, а затем мягко улыбнулся и коснулся рукой лица самого дорогого ему человека.

— Мама у меня плакса, — подразнил он её, как она когда-то дразнила его самого.

За воротами слышались крики его друзей — Ван Дачжуана и Цянь Линьсэня. Они подогнали

старенький тарантас и звали его: «Шу Сяомин, живей, а то опоздаем!».

Он отозвался, поднялся и, с мольбой глядя на женщину, широко развел руки:

— Я уезжаю. Обнимемся на прощание?

Тётушка с силой хлопнула его по спине и, притворно сердясь, выставила за дверь. Но даже когда машина скрылась за поворотом, она долго еще стояла, глядя вслед. Лишь спустя полчаса она в гневе выбежала из дома:

— Деньги! Шу Мин, паршивец этакий, опять не взял деньги!!!

Слова тётушки оказались пророческими: без денег в чужом краю пришлось несладко. Шу Сяомин, наивный деревенский паренек, впервые оказавшись в сверкающей столице, с восторгом первооткрывателя взирал на метро, скоростные поезда и высотки деловых центров. Все эти чудеса он раньше видел только в учебниках.

Вскоре выяснилось, что его скромных сбережений катастрофически не хватает. Но главной проблемой стал язык. Дома он привык говорить на нин, и хотя с чтением и письмом на государственном языке проблем не возникало, живой разговорной практики ему явно недоставало.

Из-за этого речь Шу Мина казалась медлительной и слегка заторможенной; в его интонациях невольно проскальзывали певучие нотки родного края, а если его загоняли в угол, он и вовсе начинал что-то быстро лопотать на языке нин, так что никто ничего не понимал. Многим это казалось очаровательным, но в лицо ему об этом никто не говорил.

К счастью, соседи по комнате оказались ребятами неплохими. Правда, один из них при первой же встрече принялся язвительно подтрунивать над его акцентом и неосведомленностью в брендах, едва не сцепившись из-за этого с другим соседом. Но спустя полгода его отношение по какой-то причине смягчилось.

Он даже начал придумывать способы, как незаметно подбросить Шу Мину денег или вещей. К примеру, кроссовки на ногах Шу Мина появились именно так: богатый наследник с напускным безразличием заявил, что ошибся с размером, а вернуть товар нельзя, и просто отдал их ему. Тайком проверив цену в интернете, Шу Мин едва не лишился дара речи от этих астрономических цифр.

И всё же... он их надел. Шу Мин не собирался ломать комедию и отказываться ради призрачной гордости. Он здраво рассудил, что его воли хватило лишь на то, чтобы не перепродать их в тот же день. Но если бы он их продал, этот задавака точно бы взорвался от

ярости, так что лучше не рисковать.

Заметив, что за колючим характером соседа скрывается доброе сердце, Шу Мин стал иногда вовлекать его в общие дела. Бывало, в свободное время он, закинув мяч под мышку и откинув влажные волосы со лба, окликал его на спортивной площадке:

— Сюэ Инчэн, идешь играть?

Сюэ Инчэн терпеть не мог спорт, но, глядя на то, как прядь волос Шу Мина забавно топорщится на ветру, он на мгновение засмотрелся. Прежде чем разум успел возразить, язык сам выдал согласие. Спустя час Сюэ Инчэн, задыхаясь на корте, проклинал себя за ту мимолетную слабость. Но, несмотря на изнеможение, в глубине души он чувствовал странное облегчение: Шу Мин больше не игнорировал его.

Так началась увлекательная университетская жизнь Шу Мина. Учеба не была слишком обременительной, отношения в комнате наладились, а после занятий он либо играл в баскетбол, либо подрабатывал в магазине шаговой доступности, одновременно практикуясь в языке и откладывая небольшие суммы.

На Новый год он съездил домой. Тётушка выглядела бодрой, и, успокоенный, он вернулся к занятиям. К несчастью, весной в его родных краях случилось сильное наводнение. Друг детства позвонил и сообщил, что урожай в этом году погиб, и они не только остались без дохода, но и понесли серьезные убытки.

Главное, что тётушка не пострадала. Шу Мин с облегчением выдохнул, перевел ей все свои сбережения и попросил друга присмотреть за ней. Так он в одночасье превратился в гордого, но абсолютно нищего студента.

Однако Шу Мин не привык унывать. Он просто сдал билет домой и решил остаться в столице на лето, чтобы заработать. Столица — город больших возможностей.

И вот однажды, когда Шу Сяомин, облаченный в невзрачную униформу кассира, готовился к экзаменам прямо за прилавком, его в очередной раз заметил скаут. Да, красивых людей замечают везде, особенно таких, как Шу Мин — статных, ярких, словно обладающих внутренним сиянием. Ни один профессиональный искатель талантов не прошел бы мимо.

Это было уже четвертое подобное предложение с тех пор, как он приехал в столицу. Но Шу Мин не был дураком: он прекрасно знал, как часто молодых ребят заманивают в шоу-бизнес кабальными контрактами на десять-двадцать лет. Становиться рабом на десятилетия ему совсем не хотелось.

Но этот случай был иным. Скаут предложил контракт на участие в отборочном шоу, и срок договора составлял всего один год. Это означало, что даже если в бумагах есть какой-то подвох, через год он снова будет свободен. К тому же платили там гораздо больше, чем в

магазине, да еще обещали бесплатное жилье и питание.

Шу Мин внимательно перечитал контракт несколько раз. Его сердце учащенно забилося.

Впрочем, осторожность взяла верх. Он решил забрать документы в общежитие и показать их своим состоятельным и искушенным в делах соседям. Если бы его спросили, он бы с гордостью заявил: «Это называется разумное использование социальных ресурсов!».

<http://bllate.org/book/16119/1580394>